Валерий Духанин

ЖИЗНЬ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ (БРЯНЧАНИНОВА)

Валерий Духанин

ЖИЗНЬ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ (БРЯНЧАНИНОВА)

Валерий Духанин

ЖИЗНЬ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ (БРЯНЧАНИНОВА)

Сибирская Благозвонница
Москва
2014

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 13-310-1801

Духанин, В.Н.

Д 85 Жизнь святителя Игнатия (Брянчанинова) / Валерий Николаевич Духанин. — М.: Сибирская Благозвонница, 2014. — 78, [2] с.

ISBN 978-5-91362-794-0

Для современного человека, жаждущего серьезной духовной жизни, творения святителя Игнатия (Брянчанинова) — незаменимое руководство. В них сосредоточен опыт святоотеческой аскетической мысли, ясно раскрывается сущность правильного духовного пути, а также разъясняются те тонкости духовного делания, которые могут быть неверно истолкованы при чтении древних аскетических трактатов. Примером взыскания общения с Богом является и сама жизнь святителя Игнатия. Несмотря на то что наше время существенно отличается от эпохи, в которую жил святитель, его жизненный путь содержит в себе много поучительного для наших современников. О том, каким был путь величайшего подвижника XIX века, рассказано в этой книге.

УДК 25
ББК 86-372

© Духанин В. Н., текст, 2014
© Издательство Сибирская Благозвонница, оформление, 2014

По многим внешним обстоятельствам судьба святителя Игнатия Брянчанинова должна была больше сложиться в пользу светской карьеры, нежели духовного служения. Дело в том, что фамилия Брянчаниновых принадлежала к древнейшим дворянским родам Русского государства. Основателем рода считается боярин Михаил Брянко (XIV в.), оруженосец благоверного князя Димитрия Донского, тот самый, который самоотверженно переоделся перед Куликовской битвой в одежды князя и погиб в кровавой сече. Известно, что предки святого Игнатия отстаивали законную власть

в период Смутного времени в начале XVII века, героически сражались в войне с Польшей (1654–1667) при царе Алексее Михайловиче, несли службу при императоре Петре I, защищали Россию в 1812 году. Таким образом, род Брянчаниновых верой и правдой служил Отечеству, и естественно, что родители будущего святителя желали видеть в сыне достойного государственного служителя, занимающего видное место в обществе.

Несколько слов нужно сказать о его родителях. Отец святителя, Александр Семенович Брянчанинов (1784–1875), паж времен императрицы Екатерины II и императора Павла Петровича, был предводителем дворянства в родном Грязовецком уезде Вологодской губернии, пользовался всеобщим уважением и слыл передовым образованным помещиком. Заранее скажем, что взаимоотношения с отцом складывались у святителя очень непросто. Трагизм

выразился и в том, что отец пережил сына на девять лет. Мать, Софья Афанасьевна Брянчанинова (1786–1832), — тихая благочестивая женщина, воспитала девять детей и особенно любила старшего сына Димитрия (будущего святителя Игнатия), отличая в нем ум и красоту (кстати, скончалась она на руках любимого сына, в то время настоятеля Пельшемского Лопотова монастыря, будучи напутствована его молитвами).

Несмотря на сословную принадлежность к дворянству, святителю предстояло пройти совершенно особый путь — служения Богу в монашеском звании, превозмогая всевозможные на этом пути препятствия. Можно достоверно утверждать, что святитель был избран на служение Богу от чрева матери. Это обнаружилось следующим образом. Его родители сочетались браком в ранней молодости. Двое первых детей умерли в младенчестве, после

чего наступило долгое бесплодие. В печали супруги обратились к помощи Божией, предприняли паломничество по окрестным святым местам, по несколько дней проводили в обителях северной Фиваиды: Свято-Духовском, Глушицком, Лопотове, Прилуцком монастырях, чтобы молитвами и благотворением испросить себе разрешение неплодия. В итоге у них 5 февраля 1807 года родился сын, которого назвали Димитрием в честь одного из первых вологодских чудотворцев, преподобного Димитрия Прилуцкого. Промысл Божий сказался в том, что испрошенный молитвой после неплодства первенец впоследствии сам стал ревностным делателем молитвы и ее опытным наставником.

Детство святителя прошло в родовом имении Брянчаниновых — селе Покровском Грязовецкого уезда Вологодской губернии (усадьба, кстати, сохранилась до настоящего времени

и в 2000 году передана в ведение Вологодской епархии). Собственно здесь и было положено начало духовному формированию будущего святого. Сама безмолвная сельская жизнь, соприкосновение с местной природой вселили в отрока стремление к уединению, он часто любил оставаться под тенью вековых деревьев обширного сада и там погружался в глубокие думы. Как вспоминал святитель, безмолвие влекло его душу более, нежели житейский шум. Рано загорелось в его сердце желание служения Богу, безмолвия, сокровенного внутреннего духовного делания: уже в детстве он любил неспешно и внимательно вычитывать молитвы, не ограничиваясь утренним и вечерним временем, часто молился в течение дня.

Кончено, образованию детей уделялось должное внимание, приглашались наставники и учителя, в том числе профессора Вологодской духовной семинарии. С особой благодарностью

святитель вспоминал студента семинарии Левитского, жившего в доме Брянчаниновых и обучавшего Димитрия Закону Божию. Он посеял в душе отрока первые семена любви к Божию слову. И вот еще чем действительно выделялся Димитрий Брянчанинов, так это своими незаурядными способностями в учении — домашнее образование он завершил в том числе с прекрасным знанием латинского и греческого языков. Родители возлагали на него большие надежды.

Всего в семье Брянчаниновых было девять детей. Безусловным лидером признавался Димитрий. Биографы святителя Игнатия (среди которых его родной брат Петр Александрович) сообщают, что дети Брянчаниновых «все сознавали главенство Димитрия и сознавали не потому только, что он был старший, а вследствие особого, высшего, так сказать, склада его ума и характера, вследствие нравственного

его превосходства. Димитрий Александрович был тих, скромен, всегда во всем весьма благоразумен, внимателен и вежлив в обращении, хотя молчалив. Пользуясь всегдашним уважением от братьев и сестер и превосходя их в научных способностях и других дарованиях, Димитрий Александрович не обнаруживал ни малейшего превозношения или хвастовства. Зачатки иноческого смиренномудрия высказывались в тогдашнем его поведении и образе мыслей. По нравственности и уму он был несравненно выше лет своих — и вот причина, почему братья и сестры относились к нему даже с некоторым благоговением, а он в свою очередь сообщал им свои нравственные качества»[1].

В аскетическом настроении святителя большую роль сыграло и его

---

[1] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 21–22.

слабое физическое здоровье. В детстве, купаясь с отцом в речке Талице (возле родного села Покровского), Димитрий замерз так, что дрожал всем своим телом, но не дерзнул выйти из воды прежде отца, — после этого он часто простывал, болел, что только способствовало его склонности к безмолвию и глубокой уединенной молитве. Приведенный поступок может показаться современному человеку странным. Но в семье Брянчаниновых царил строгий, даже суровый строй жизни, регламентируемый отцом, железной воле которого никто не смел прекословить — дети часто боялись открываться перед родителями. Само проявление к детям любви считалось недостойной слабостью, розги не щадили ни старших, ни младших. За поведением детей тщательно наблюдали и каждый день докладывали родителям. В связи с этим становится понятным, что их дальнейший

жизненный путь заранее предрешался родителями, а возраставшие в сыне духовные устремления (что в конечном итоге привело к переходу из дворянского сословия в духовное) не могли найти в родных большого отклика. Вот почему святитель в статье «Плач мой» так вспоминал это время: «Детство мое было преисполнено скорбей. Здесь вижу руку Твою, Боже мой! Я не имел кому открыть моего сердца: начал изливать его пред Богом моим, начал читать Евангелие и жития святых Твоих. Завеса, изредка проницаемая, лежала для меня на Евангелии; но Пимены Твои, Твои Сисои и Макарии производили на меня чудное впечатление. Мысль, часто парившая к Богу молитвой и чтением, начала мало-помалу приносить мир и спокойствие в душу мою. Когда я был пятнадцатилетним юношей, несказанная тишина возвеяла в уме и сердце моем. Но я не понимал ее,

я полагал, что это — обыкновенное состояние всех человеков»[1].

Каким образом в душе человека зарождается желание служения Богу? Почему одни с радостью стремятся к этому, а другие предпочитают искать лишь земного? До конца это объяснить невозможно. Такова тайна самоопределения личности. Для нас более важно знать, что Димитрий Брянчанинов уже в юношеские годы окончательно определился в своем главном жизненном решении. Когда на шестнадцатом году его жизни (в конце лета 1822 года) отец повез Димитрия в Петербург для определения в Главное инженерное училище, готовившее офицеров инженерных войск, то доро́гой впервые спросил сына: «Куда бы ты хотел поступить на службу?» Димитрий был поражен

[1] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты Т. 1. С. 555.

такой откровенностью отца, решил не скрывать своей сердечной тайны и, испросив обещания не сердиться, если ответ не понравится, решительно сказал, что желает идти в монахи и что из всех видов службы он предпочитает службу Царю Небесному. Как ни странно, ответ не был воспринят серьезно, и отец повез сына далее к предполагаемому им служению.

Экзамены в Главное инженерное училище Димитрий выдержал блестяще (при конкурсе более чем четыре человека на место), он был единственный принят сразу во второй класс, вскоре стал первым по успеваемости учеником и сохранил это место до самого конца учебы. Великий князь Николай Павлович, ставший через три года императором, в то время лично наблюдал за кадрами училища и сразу же обратил внимание на одаренного и прекрасно воспитанного юношу. Заметим, что в годы учебы Брянчанинов благодаря

личным достоинствам имел успехи в светском обществе. Так, родственные связи ввели его в дом тогдашнего президента Академии художеств, археолога и историка Алексея Николаевича Оленина. Там на литературных вечерах Брянчанинов, декламируя новые произведения авторов того времени, стал любимым чтецом, а на его поэтические и вообще литературные дарования обратили внимание такие известные лица, как Гнедич, Крылов, Батюшков и даже сам Пушкин. Это способствовало развитию литературных дарований святителя. А некоторые посетители этого салона стали на всю жизнь близкими святителю людьми и впоследствии пользовались его духовным советом, в частности Николай Николаевич Муравьев-Карский.

Такова была внешняя сторона жизни Димитрия Брянчанинова, исполненная успехов в учебе, всеобщего уважения, а что же составляло его

внутреннюю, сокровенную сторону? Как ни странно, внутри он испытывал неудовлетворенность, даже опустошение. Так пишет об этом сам святитель: «Науки человеческие, изобретения падшего человеческого разума, сделались предметом моего внимания: к ним я устремился всеми силами души; неопределенные занятия и ощущения религиозные оставались в стороне. Протекли почти два года в занятиях земных: родилась и уже возросла в душе моей какая-то страшная пустота, явился голод, явилась тоска невыносимая — по Боге. Я начал оплакивать нерадение мое, оплакивать то забвение, которому предал веру, оплакивать сладостную тишину, которую я потерял, оплакивать ту пустоту, которую я приобрел, которая меня тяготила, ужасала, наполняя ощущением сиротства, лишения жизни! И точно — это было томление души, удалившейся от истинной жизни своей, Бога. Вспоминаю: иду по улицам

Петербурга в мундире юнкера, и слезы градом льются из очей...»[1]

Стоит вспомнить, что это была эпоха, когда в обществе светское явно вытесняло духовное, богообщение было отнюдь не в центре внимания, многие придерживались только внешней формы церковности, говели, исповедовались и причащались лишь раз в год, чтобы засвидетельствовать свою лояльность государственной религии. Основные темы разговоров были исключительно земного порядка, все это создавало страшный вакуум в боголюбивой душе Димитрия Брянчанинова и выражалось в чувстве безутешной тоски. Оставшись одиноким в своих душевных исканиях, Димитрий обратился к источникам живой веры — творениям святых отцов. «Не живые человеки были моими наставниками; ими были

[1] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты. Т. 1. С. 555.

почившие телом, живые духом святые отцы. В их писаниях нашел я Евангелие, осуществленное исполнение; они удовлетворили душу мою»[1]. Чтение, внимательное исследование творений святых отцов навсегда определило внутренний аскетический настрой святителя. А поскольку большинство отцов Церкви в своих аскетических наставлениях обращали внимание на внутреннее делание христианина, Димитрий Брянчанинов стал осваивать умное делание, внутреннюю молитву, чтобы в своем одиночестве взыскать помощи Единого Истинного Помощника и Благодетеля. Удивительно, но будучи еще совсем молодым человеком, студентом училища, он достиг почти непрестанного умного делания. «Бывало, с вечера, — рассказывал святитель впоследствии, — ляжешь в постель и, приподняв от подушки

[1] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Собрание писем. С. 472.

голову, начнешь читать молитву, да так, не изменяя положения, не прерывая молитв, встанешь утром идти на службу, в классы»[1].

Правда, духовные стремления Димитрия нашли отклик у его однокурсника Михаила Чихачева, происходившего из дворян Псковской губернии. Несмотря на то что Чихачев был совершенно иного характера — весельчак и говорун, они навсегда стали близкими друзьями и вместе старались осуществлять жизнь во Христе. К сожалению, благочестивые студенты не встретили поддержки со стороны ближайших духовных лиц училища, более того, их аскетический настрой истолковали крайне превратно. Возможно, таково было искушение невидимого врага, раздраженного постоянной молитвой

[1] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 32.

Димитрия, а может быть, так действовал Промысл Божий, ведший святого по более полезному для него пути. Произошло следующее. Димитрий Брянчанинов, ощущая свою неопытность в духовном делании, обратился за помощью к духовнику училища и сказал, что «борим множеством греховных помыслов». Отец протоиерей, не имея никакого желания вникать во внутреннюю жизнь студента, тут же счел «греховные помыслы» за «политические замыслы» и обратился к училищному начальству с опасениями о политической благонадежности исповедавшегося студента (правды ради надо упомянуть, что в то время духовенству прямо предписывалось сообщать о своих подозрениях на исповедующихся). Как пишут биографы святителя Игнатия, «неосмотрительность духовника повергла Брянчанинова в тяжкую ответственность пред своим начальством и довела

до болезненного состояния»[1]. Брянчанинов вынужден был сменить духовника, со своим другом Чихачевым он обратился к инокам Валаамского монастыря, исповедовался у них, приобщаясь их духовным назиданиям. Однако духовные потребности друзей оказались настолько глубокими, что духовники Валаамского монастыря сами предложили им обратиться к монахам Невской лавры, к таким опытным инокам, как лаврский духовник отец Афанасий, монахи Аарон, Харитон, Иоанникий. Упомянутые отцы являлись учениками знаменитых старцев Феодора и Леонида (основателя Оптинского старчества), преемственных учеников преподобного Паисия Величковского.

Два друга «совещались с иноками как с духовными отцами обо всем, что

---

[1] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты. Т. 1. С. 14–15.

касается внутреннего монашеского делания, исповедовали свои помыслы, учились, как охранять себя от страстей, греховных навыков и преткновений, какими руководствоваться книгами из писаний святых отцов и тому подобное. Добрые иноки, особенно отец Иоанникий и духовник отец Афанасий, делились с монахолюбивыми и любомудрыми юношами всем, что составляло достояние их многолетней духовной опытности. Часто Димитрий Александрович удивлял их своими вопросами, которые касались таких сторон жизни духовной, какие свидетельствуют о довольно зрелом духовном возрасте»[1].

Все большее сближение с монашеством вызвало, наконец, существенное противодействие со стороны отца. Дело в том, что при Димитрии жил старый слуга Дормидонт, который извещал

---

[1] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты. Т. 1. С. 16–17.

родителя о частых хождениях сына в Лавру. Теперь-то отец вспомнил высказанное сыном желание идти в монахи и попросил высокопоставленных петербургских знакомых воспрепятствовать намерению сына. В итоге Димитрий Брянчанинов вынужден был лично предстать пред Петербургским митрополитом Серафимом (Глаголевским) и выразил искреннее желание стать монахом. Примечательно, что Высокопреосвященнейший, первоначально подозревая в нем только честолюбивые планы, объявил, что Брянчанинов как не обладающий ученой степенью духовных академий не может быть возведен в церковной иерархии выше сана архимандрита. На это молодой человек ответил, что ищет не санов, а единственно спасения души, состоящего в бегстве от мира. Это было действительно так. Ни разу святитель не выразил желания занять какой-нибудь высокий пост. А митрополит

после беседы с юношей позволил ему продолжать общение с монахами Александро-Невской лавры. Это было первым положительным поворотом на пути к духовному служению.

Впрочем, для окончательного разрыва с миром нужно было что-то такое, что произвело бы последний решительный переворот в душе молодого молитвенника. Весной 1826 года святитель заболел тяжкой грудной болезнью, имевшей все признаки чахотки. Лучшие петербургские врачи считали его положение крайне опасным, а сам Димитрий Брянчанинов полагал, что находится уже на пороге смерти, постоянно читал творения святых отцов и молился. Эта болезнь стала для него настоящим преддверием монашества. Как только его здоровье поправилось, он поспешил в Александро-Невскую лавру, и здесь неожиданно совершилась судьбоносная встреча. В это время в Лавру прибыл известный старец преподобный

Леонид (Наголкин), будущий старец Оптинский (в схиме Лев), и Димитрий в уединенной беседе с ним «почувствовал такое влечение к этому старцу, что как бы век жил с ним: это были великие минуты, в которые старец породил его духовно себе в сына»[1]. Именно преподобный Леонид Оптинский своим духовным влиянием произвел в душе Димитрия окончательный разрыв с миром, именно он повлек за собой юного святого к всецелому посвящению жизни богоугодному деланию души. Правда, далось это, по мирским понятиям, очень дорогой ценой.

Летом 1826 года состоялся разговор с родителями — безрезультатно. В Петербурге он подал просьбу об увольнении его со службы — вместо удовлетворения просьбы назрел крупный скандал. Сам император Николай I

[1] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты. Т. 1. С. 21–22.

поручил своему брату, великому князю Михаилу Павловичу отговорить Брянчанинова от желания монашества. Что значило для дворянина, воспитанного в традициях верного служения царю и Отечеству, идти против воли императора, понять трудно современному человеку. Для молодого Брянчанинова это была глубокая внутренняя трагедия. Он, конечно же, прямо высказал великому князю желание своего сердца, однако Михаил Павлович в присутствии других высоких чинов жестко объявил, что государь не согласен на его отставку. Это решение уже не подлежало обсуждению. Брянчанинову было предписано выехать в Динабург (ныне Даугавпилс в Латвии, на реке Даугаве) для руководства строительством крепости.

Обыкновенно считается, что святые люди, поскольку им помогает Бог, легко преодолевают всевозможные препятствия, так что путь к Небесным

обителям для них пролегает ровно и гладко. Жизненный путь святителя Игнатия опровергает это представление, поскольку он наглядно свидетельствует, насколько трудно ему было достичь поставленной цели. Собственно сама святость и есть верность Богу при любых, даже самых невыносимых условиях жизни. Димитрий Брянчанинов вынужден был пойти на откровенный конфликт со своим отцом, желавшим карьерой сына возвысить престиж своей фамилии, а разрыв с родителем означал полную потерю содержания. Он вынужден был идти на конфликт и с высокопоставленными лицами мира сего, что грозило всевозможными прещениями (не дозволениями, запрещениями — *прим. ред.*) и потерей личной репутации в обществе.

В Динабурге Брянчанинов окончательно слег, и только когда осенью 1827 года великий князь Михаил Павлович лично посетил Динабургскую

крепость и убедился в физической несостоятельности офицера Брянчанинова к службе, его желание получить отставку было удовлетворено. Стоит сказать, что старец Леонид поддерживал в это время Брянчанинова своими письмами. К старцу же Леониду, получив скорую отставку, Димитрий выехал в Александро-Свирский монастырь (в начале января 1828 года).

Только теперь он мог вздохнуть полной грудью, всецело посвятив себя духовному деланию. С внешней стороны жизнь любого инока не представляет собой чего-то яркого, захватывающего — послушания, богослужение, личное молитвенное правило, подлинная красота монашества раскрываются в его внутреннем подвиге. В Александро-Свирском монастыре Димитрий отдал себя беспрекословному послушанию старцу и глубочайшему смирению среди братии. Кстати, первое послушание его было при поварне,

где он помогал повару, бывшему крепостному его отца. Безропотное выполнение всех, даже самых низких послушаний породило в душе святого послушника при полном забвении своего «я» сладость смирения, о чем впоследствии святитель помнил всю жизнь. Так, в полном жизнеописании святителя Игнатия, составленном его родным братом Петром Александровичем и ближайшими учениками, повествуется, как Димитрий, проходя послушание в трапезной, однажды ставил блюдо на стол, за которым сидели послушники, и мысленно произнес: «Примите от меня, рабы Божии, это убогое служение». При этом он вдруг почувствовал в сердце необыкновенное молитвенное действие, так что даже пошатнулся. В его грудь запало сладостное утешение, которое не покидало его более двадцати дней (святитель описал этот случай в *Аскетических опытах*, приписывая его другому лицу).

Со всей искренностью он отдал себя духовному руководству старца Леонида, по подобию древнего послушничества ежедневно исповедовал ему все движения внутренней жизни, не предпринимал ни одного действия без благословения старца, проходил налагаемые на него испытания, иногда очень тяжелые. Однажды в числе прочих послушников Димитрий назначен был тянуть рыболовный невод в озере Свирского монастыря. Когда невод запутался, монах, заведовавший ловлей, зная, что Брянчанинов умел хорошо плавать и долго держаться под водой, послал его распутать невод. Несмотря на осенний холод, Димитрий беспрекословно выполнил приказание, правда, после этого болел сильной простудой.

Прошло время, и старец Леонид переселился в Площанскую пустынь Орловской губернии. Послушник Димитрий Брянчанинов, не раздумывая, следовал за ним. Сюда же приехал

и Михаил Чихачев, сумевший наконец вырваться из оков мирской жизни. Однако здесь взаимоотношения Димитрия с духовным наставником несколько изменились. Количество учеников старца умножилось, и собрания их стали сопровождаться некоторой молвой и рассеянностью. Лишние разговоры и пересуды в среде учеников отзывались в душе Димитрия тягостно. Старец по-своему объяснял скорбь Димитрия, к этому добавилось и то, что отец Леонид не всегда удовлетворительно отвечал на вопросы послушника. В этой связи стоит сделать два важных уточнения. Во-первых, вспомним, что душа святителя с детства отличалась особой утонченностью, созерцательностью, тяготением к безмолвию. Еще в годы учебы он привык к продолжительной внутренней молитве, и вероятно, отец Леонид при обилии учеников уже не вникал подробно во внутреннее делание святителя.

Во-вторых, сам идеал монашеской жизни у святителя выработался при подробном изучении писаний древних святых отцов, и он много скорбел, видя несоответствие этому идеалу. Так или иначе, но Промысл Божий явно вел святителя по предназначенному для него пути. Выразилось это в следующем. Когда Брянчанинов и Чихачев высказали желание жить в уединенной келлии на правилах жизни скитской (то есть отдельно от монастырской братии), то старец Леонид первоначально не одобрил этого. Димитрий, переживая и много болея от того, что старец его не понимает, в скорби стал особо усиленно молиться Господу. И в один день ему было дано видение, о котором он поведал своему другу Михаилу Чихачеву. Святитель увидел светлый крест, возле которого стояли он сам и его друг Чихачев, и некий голос объяснил, что Димитрия ожидает искреннее отречение от мира и всего земного

и что его друг должен участвовать в его страданиях. В душе Димитрия остались глубокий мир и благодатное утешение. А Чихачев заметил, что с тех пор будущий святитель получил особую духовную силу разума, так что легко постигал и разрешал самые трудные духовные вопросы и недоумения. Видение было передано старцу Леониду, и тот благословил их жить отдельно.

Молодые подвижники начали уединенно-безмолвную жизнь, выходя только в церковь и трапезу. Келлия их, отдельно стоявшая в саду, стала для них несказанно дорога своим удобством к богомыслию и молитве. Так прошла зима 1829 года. Так думали провести два друга всю свою жизнь. Но между настоятелем Площанской пустыни иеромонахом Маркеллином и старцем Леонидом возникли неудовольствия, вынудившие отца Леонида со своими учениками переселиться в скит Оптиной Введенской пустыни

Калужской губернии. Велено было уезжать и ни в чем не повинным Брянчанинову с Чихачевым.

Первоначально они направились в Белобережскую Иоанно-Предтеченскую пустынь, однако там их не приняли. Не нашлось для них места и в Оптиной пустыни, и только благодаря ходатайству старших братий обители их согласились принять и позволили жить уединенно в отведенной им келье. Впрочем, настоятель, отец Моисей, сначала не соглашавшийся принять Димитрия с другом, относился к ним неблагосклонно, не было доверия к ним и со стороны некоторой братии. Недоброжелательство и крайне скудная пища привели друзей в такое болезненное состояние, что они едва могли подниматься с кроватей, а помощь получали лишь один от другого, когда кому-нибудь из них становилось чуть легче. Именно в это время к Димитрию приходит весть от сильно заболевшей

матери, желавшей видеть сына перед возможной смертью; отец, неожиданно изменив отношение к жизненному выбору сына, обещал построить ему отдельную келью близ церкви, а вскоре была прислана и крытая бричка. Святитель воспринял это как указание Божие и согласился поехать, взяв с собой своего друга Михаила Чихачева.

Забегая вперед, заметим, что, покинув Оптину пустынь, святитель впоследствии поддерживал письменные сношения с преподобными Леонидом и Макарием Оптинскими. По просьбе старцев он, будучи уже архимандритом, участвовал во многих делах Оптиной пустыни, заботился о материальном благополучии обители, помогал изданию произведений святых отцов. В преодолении последнего, предсмертного испытания старца Леонида святитель принял самое живое участие. Когда в Белевской женской обители некоторых учениц старца из зависти обвинили

в ереси, то нарекания стали падать на самого преподобного Леонида, ему угрожала ссылка. Узнав об этом, святитель Игнатий немедленно встретился с Московским митрополитом, святителем Филаретом (Дроздовым), и тот пресек гонение на старца. По кончине старца Леонида святитель Игнатий в письме преподобному Макарию написал: «Душа моя исполнилась печали, и как ни вспомяну о нем (старце Леониде) — каждый раз обильная печаль изливается в мое сердце. Точно как вы пишете, он имел ко мне особеннейшее расположение и любовь, следствие коих постоянно в себе ощущаю: отклонясь телесно, я не отклонился в противное мудрование, но многие его изречения остались у меня в памяти, и доселе меня руководствуют, — особливо произнесенные в Свирском монастыре»[1].

---

[1] *Шафранова О.И.* Странствие ко вратам вечности. С. 23–24.

В наши дни неоднократно возникали дискуссии, в которых святителя Игнатия с его последователями противопоставляют Оптинским старцам. Конечно, разница традиций очевидна, но путь святителя Игнатия был настолько же отличен, насколько отличным был путь святителя Феофана Затворника или святого праведного Иоанна Кронштадтского. Господь вел тех и других пусть и разными путями, но к единой цели. При разности духовных служений они стали выразителями единого аскетического предания Православной Церкви. А главное — каждый святой отец Церкви выполняет то духовное призвание, которое уделил ему Бог. При многом общем, что наблюдается у святителя Игнатия и старцев Оптиной пустыни, различие, на наш взгляд, заключалось в следующем. Старцы Оптинские предлагали более деятельное благочестие, тогда как святитель Игнатий — сокровенное

умное делание со всеми тонкими особенностями внутренней жизни. Старцы Оптинские постоянно принимали народ, наставляя его высокой нравственности, а святитель всю жизнь искал безмолвия по образу древних подвижников и учил, как стяжать мир сердца и безмолвие внутреннее. Поэтому и основные сочинения старцев Оптинских — письма с назиданием вопрошавших на самые разные темы, а творения святителя Игнатия — это обобщение аскетического опыта предшествовавших святых отцов касательно внутреннего служения человека Богу, проверенного святителем на собственном опыте.

В селе Покровском жизнь двух друзей не могла продолжаться долго: мир все более вторгался в заветный круг их духовного безмолвия, а после выздоровления матери отец вновь стал требовать от сына вступления на мирскую службу. Тогда они удалились

в Кирилло-Новоезерский монастырь Новгородской губернии, где жил знаменитый старец архимандрит Феофан. Обитель расположена на острове среди большого озера, монастырские стены стоят на сваях, вбитых в дно, и потому здешний климат оказался слишком сырым. К сожалению, физическое здоровье Брянчанинова подводило его все чаще и чаще. Проболев три месяца лихорадкой, он окончательно слег, так что у него стали опухать ноги. Это заставило его вернуться в Вологду.

Трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая судьба Димитрия Брянчанинова, если бы Промыслом Божиим в ней не принял живое участие Вологодский епископ Стефан. Путь святителя с этого момента становится более определенным. Жизнь его в это время связана с двумя обителями — Семигородской пустынью и Глушицким Дионисиевым монастырем. Чтобы понять духовный уровень будущего святителя

в это время, обратим внимание на его знакомство с благочестивым юношей Петром, впоследствии настоятелем Николо-Угрешского монастыря, — преподобным Пименом. В своих воспоминаниях преподобный Пимен Угрешский отзывается о молодом Брянчанинове как о человеке глубокой духовной мудрости и подвижнической опытности: «Когда я пришел в церковь, Брянчанинов был уже там и стоял в настоящей церкви за правым клиросом, а я стал налево за столбом, под аркой. Во все время обедни Брянчанинов ни разу не обернулся и, следовательно, не мог видеть, что кто-либо стоит за ним. Ему поднесли просфору, и, когда по окончании обедни служащие и братия пошли в придел совершать установленное молебствие, которое бывает после литургии, Брянчанинов обернулся и, подошедши прямо ко мне, дал мне просфору и, спросив, где я остановился, сказал мне: “Я к вам приду”. Мы совершенно

друг друга не знали и до этого никогда не разговаривали... Невзирая на его молодые лета, видно было, что он много читал отеческих книг, знал весьма твердо Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина, "Добротолюбие" и писания других подвижников, и потому беседа его, назидательная и увлекательная, была в высшей степени усладительна. Эта продолжительная беседа его со мной меня еще более утвердила в моем намерении удалиться из мира и вступить в монашество»[1]. Заметим, что святитель всегда с особым участием общался с теми, в ком прозревал серьезное отношение к духовной жизни.

Усилившиеся требования отца вернуться к мирскому служению только ускорили желание пострига. Вологодский владыка Стефан, сочувствовавший Димитрию, исходатайствовал

[1] Цит. по: *Архимандрит Пимен*, настоятель Николо-Угрешского монастыря. Биографический очерк. С. 15–16.

разрешение Синода. Долгожданное событие состоялось 28 июня 1831 года, епископ Стефан сам лично постриг благочестивого послушника с именем Игнатия в честь святого Игнатия Богоносца. Вскоре он рукоположил новопостриженного в священные степени. Что происходило в душе святителя, можно судить по одному из его писем: «Совершилось! Я пострижен и посвящен во иеромонаха. Когда меня постригали — казалось мне, что я умер; когда посвятили, казалось — воскрес... Во время каждой обедни ощущаю, что достиг конца желаний... Сказываю всем о себе то, что другие о мне знать и сказать не могут: я счастлив!»[1] Он просился вернуться в Глушицкий монастырь, но владыка, прозревая его способности, назначил иеромонаха Игнатия настоятелем Пельшемского Лопотова монастыря. Отметим при этом

---

[1] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Собрание писем. С. 813.

одну важную особенность: к святителю сразу собрались послушники, знавшие его еще до принятия им пострига. В нем уже чувствовали духовную опору и подлинную монашескую прочность. Новый настоятель существенно поправил положение обители как с внешней, так и с внутренней стороны. Помимо дара умной молитвы святитель обладал даром превосходного настоятеля, умением благолепно обустраивать вверяемую ему обитель, в этом отношении ему, конечно, пригодилась учеба в Главном инженерном училище. Кстати, Михаил Чихачев, облеченный здесь в рясофор, составил прекрасный хор (Чихачев обладал хорошим голосом), привлекший к обители множество богомольцев.

Благая деятельность святителя в возвышении нравов насельников Лопотова монастыря была засвидетельствована свыше. Благочестивый крестьянин Карп, проживавший рядом в поселке, увидел в видении, как некоторые иноки

Лопотова монастыря (подразумеваются лица, сформировавшиеся еще до прихода святителя), стоя в водах реки Пельшмы, жаловались преподобному Григорию Пельшемскому, что святитель Игнатий делает им притеснения: в церковь не велит ходить с заплетенными волосами, на клиросе запрещает нюхать табак, не велит носить красных кушаков, запрещает ходить по деревням и прочее тому подобное. Преподобный Григорий, обратясь к Карпу, сказал: «Ты слышишь их жалобы, могу ли их послушать? Настоятель делает, как надо, и если пребудет в заповедях Божиих до конца, причтен будет с нами»[1]. Было благочестивому Карпу и другое откровение: что игумен Игнатий послужит обители близ Петербурга, в которой будет соборная церковь во имя Святой Троицы, причем показан ему был самый иконостас

[1] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 88.

церкви, показаны также все те иноки, которые перейдут туда за игуменом из Лопотова монастыря. Пророческое видение относилось к Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга, о которой сам святитель пока еще даже не помышлял.

Неожиданное внешнее возвышение святителя произошло в связи с тем, что весть о нем дошла до самого императора Николая I, который с удовольствием вспомнил своего воспитанника. «Ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе. Ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь — на нем ты и уплати мне долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтобы ты жил в ней и сделал бы из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей»[1], — обратился он к святителю при личной

[1] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 95.

аудиенции. Вскоре (1 января 1834 года) святого Игнатия возвели в сан архимандрита — ему было неполных двадцать семь лет.

Многие восприняли бы подобное назначение с великой радостью — раннее возведение в архимандриты, настоятельство рядом с самой столицей, близость к высшим слоям общества, благоволение самого государя императора, а стало быть, возможность успешной карьеры, будущее епископство. Святителю Игнатию все это было не нужно. Житейская суета, неминуемая в монастыре на дороге из Петербурга в Петергоф, вынужденная обязанность встречать представителей высшего света, да еще сырой климат Финского залива, прямо вредный для здоровья святителя, составили тяжелый крест, под которым выработался мужественный дух святого подвижника. Обитель находилась в упадке, в храмах почти невозможно было

служить, корпуса требовали ремонта, братии было всего тринадцать человек, из которых монахов — восемь. Зная занятость святителя в это время и в последующее епископство, зная обилие легших на его плечи внешних проблем, можно удивляться, как именно в это время он создал свои лучшие духовные произведения, посвященные всем тонкостям внутреннего подвига, а святитель, по собственному признанию, писал лишь то, что опытно испытал сам в духовной жизни.

В столице скоро заговорили о молодом и образованном архимандрите, выходце из дворян. Как вспоминал впоследствии один человек, «многие тогда удивлялись отцу Игнатию: как он, подвижник и молитвенник, не чуждался вместе с тем общества, бывал приятным собеседником людям светским, умел возбуждать в них к себе доверие и действовать на них ко благу душевному... что незаметно склоняло

их к благочестию»[1]. Святитель Игнатий вообще обладал очень тонкой проницательностью, чувствовал душу другого человека, охотно беседовал с теми, в ком видел расположенность к духовному. Но светское общество таило в себе и много коварства — святитель не выражал расположенности к таковым и не пытался перед ними заискивать, кто бы они ни были. Отношение святителя к внешней мирской славе выразилось в следующем поучительном примере. 5 июля 1834 года, в день преподобного Сергия, на монастырской трапезе присутствовали высокопоставленные сановники, и один высокомерно обратился к святому Игнатию: «Как согласить, отец архимандрит, ваши обеты монашества с той обстановкой, в которой Вы живете?» — и указал на присутствовавшее великосветское общество. Настоятель ответил: «Очень

[1] Отец современного иночества. С. 40.

просто: оно объясняется послушанием воле государя императора, которому угодно было меня взять из вологодских болот, где я жил в уединеннейшем монастыре, и поставить здесь, на перепутье большого света, чтобы говорить вам слово истины настолько, насколько позволят это ваши гнусные приличия света»[1]. Святитель искал безмолвия, само здоровье его требовало сухого климата, но вместо этого император назначил его в сырую пустынь рядом с Финским заливом, способствующую бесконечным простудам, да еще посещаемую бесконечным количеством светских людей, — а противиться воле государя святитель Игнатий не смел, видя в этом назначении волю Божию.

Двадцать три года провел здесь святитель Игнатий. Вот как описывает он сам это время: «Негостеприимно

[1] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 104.

приняла меня обитель — Сергиева пустыня. В первый же год по прибытии в нее я поражен был тяжкой болезнью, на другой год — другой, на третий — третьей: они унесли остатки скудного здоровья моего и сил, сделали меня изможденным, непрестанно страждущим. Здесь поднялись и зашипели зависть, злоречие, клевета; здесь я подвергся тяжким, продолжительным, унизительным наказаниям, без суда, без малейшего исследования, как бессловесное животное, как истукан бесчувственный; здесь я увидел врагов, дышащих непримиримой злобой и жаждой погибели моей»[1]. Благоволение императора к святителю и быстрое благоустроение вверенной ему обители вызвали зависть со стороны самых разных лиц, на святого Игнатия (Брянчанинова) стали наговаривать, возникли интриги, а затем и вовсе

---

[1] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты. Т. 1. С. 567.

непрерывные притеснения (а жаловаться государю святитель даже не помышлял). К этому добавилось то, что святой Игнатий, искавший в первую очередь духовного преуспеяния, не считал нужным заискивать перед сильными мира сего. Многие досадовали на его независимый характер и отсутствие человекоугодия. Так, один светлейший князь, правитель области, заявил, что он не желал бы служить в одном управлении с таким епископом, каков архимандрит Игнатий, а на вопрос «Почему?» ответил: «Да ему на ногу не наступишь». Выражая уважение к человеческой личности, уважение к властям и санам, святитель тем не менее не заискивал ни перед кем и никогда не человекоугодничал перед высшими чинами. Чтобы понять, о чем идет речь, приведем наглядный пример. В конце 1839 года знаменитая красавица того времени, фрейлина большого двора В. Нелидова обратила на себя внимание государя. Ввиду ожидавшего

ее падения она приехала в Сергиеву пустынь, как бы испрашивая у святителя совета, а на самом деле ища успокоения совести и потому для оправдания указывала на величие лица, которое влечет ее ко греху. При этом она сообщила, что духовник государя В.В. Бажанов заверил ее, что в этом ничего особенно грешного нет. Вопреки ожиданиям Нелидовой святитель Игнатий, ссылаясь на слово Божие, показал ей, что высота внешнего положения человека, впадающего в подобный грех, лишь усиливает тяжесть греха, а никак не оправдывает ни ту, ни другую из согрешающих сторон. Как подобный ответ мог быть воспринят в великосветской среде, мы можем только догадываться. А недруги святителя, пользуясь временным нерасположением к нему императора, лишь успевали наносить новые удары.

Страдания и скорби внутренне укрепляли святителя. Возрастая в духовном подвиге, он сплачивал и укреплял

вверенную ему обитель. Вот как пишет он сам о трудностях жизни в Сергиевой пустыни: «Здесь Милосердый Господь сподобил меня познать невыразимые словом радость и мир души; здесь сподобил Он меня вкусить духовную любовь и сладость в то время, как я встречал врага моего, искавшего головы моей, — и соделалось лице этого врага в глазах моих как бы лицом светлого Ангела. Опытно познал я таинственное значение молчания Христова пред Пилатом и архиереями иудейскими. Какое счастье быть жертвой, подобно Иисусу! Или нет! Какое счастье быть распятым близ Спасителя, как был некогда распят блаженный разбойник, и вместе с этим разбойником, от убеждения души, исповедовать: *достойное по делам моим приемлю, помяни меня, Господи, во Царствии Твоем* (Лк. 23, 41, 42)»[1]. Близко

[1] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты. Т. 1. С. 567–568.

знавший святителя Михаил Чихачев отзывался о нем: «Самые действия его, архимандрита Игнатия, были непонятны многим, чтобы не сказать всем, тем более мне, простяку. В нем вмещалось многое, и одно другому не мешало, то есть глубокое знание писаний святых отцов с монашеским деятельным опытом, и внешний навык, и способность общаться со всякого рода людьми, тонкое постижение нравов, знание человека со всеми его причудливыми немощами, умение различать благонамеренность от зловредной, ухищренной гибкости, умение проникать в умысел. При таком искусном руководителе всё с Божией помощью улаживалось, всё вынесено: и сносное, и казавшееся по немощи человеческой несносным»[1].

Столичное общество с удивлением замечало, как быстро развивалась

[1] Цит. по: Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 105.

Сергиева пустынь — внешне и внутренне. Возникли новые церковные постройки, во всем стали царствовать порядок, чистота и благообразие. Богослужение теперь совершалось стройно, величественно и торжественно. Став благочинным, святой Игнатий собрал из разных обителей иноков, способных к пению, нашел хорошего регента. Несколько лет хором пустыни руководил живший поблизости известный духовный композитор протоиерей Петр Турчанинов, который написал ряд произведений специально для этого хора. Неоднократно бывал здесь и близко знавший святителя композитор Михаил Глинка, который так же, как и директор придворной капеллы А.Ф. Львов, принял участие в улучшении монастырского пения. В результате хор Троице-Сергиевой пустыни получил всероссийскую славу.

Святитель вникал в келейную жизнь каждого инока, искренне наставлял

тайнам духовной жизни, рассудительно принимал исповедь помыслов, а двери его собственных келий были открыты для всех — от престарелых священнослужителей до юных послушников, так что умножившееся монастырское братство стало составлять одну большую семью, руководимую одним отцом, объединяемую единым духом. Все это время архимандрит Игнатий также вел большую переписку с монашествующими и желающими вести духовную жизнь в миру. Для многих он был подлинным духовником. В одном из писем святитель признавался: «Как утешительно перекликаются со мною многие души среди таинственной ночи мира сего с различных стран своих — иная с одра болезни, другая из изгнания, иная с берегу Волхова, иная с берегу Двины, иная с поля Бородинского, иная из хижины, иная из дворца царского. Душа, где бы она ни была поставлена, если не убита нечувствием, везде

ощущает нужду в слове Божием, везде падение гнетет ее, давит. Произношу Слово Божие в беседах личных, пишу его в беседах заочных, — составляю некоторые книги, которые могли бы удовлетворить нуждам нынешнего христианства, служить при нынешнем голоде каким-нибудь утешением и наставлением»[1].

Стоит упомянуть, что в святителе при полном бескорыстии, простоте и смирении его души сохранялось и тонкое чувство изящества, так необходимое в общении с высшим слоем общества. Среди лиц дворянского происхождения, искавших духовного совета святителя, были и его племянницы — дочери любимой сестры Софии. Однажды святитель Игнатий обратил внимание на то, что племянницы причесаны не так, как в это время причесывались в столице, и тут

[1] Собрание писем святителя Игнатия, епископа Кавказского. С. 307–308.

же попросил присутствовавшую здесь свою сестру Елизавету поехать с девушками и устроить, чтобы прическа их была безукоризненной. Если он видел на сестрах что-нибудь недостаточно изящное, то тихо спрашивал: «Что это у тебя?» «Так носят, Владыко», — оправдывались они. «Ты не носи», — наставлял он. У одной племянницы была привычка, как и у многих, идя в церковь, надевать скромное, темное платье. Владыка этого не одобрял. «Зачем это? — говорил он. — Разве ты думаешь, что Богу приятнее видеть тебя в черном платье, нежели в обыкновенном? Или думаешь, что, переодевшись, ты сделаешься ближе к Богу, достойнее?»[1]

Он не любил выставлять напоказ сокровенные тайны своего подлинного бескорыстия, нищеты духовной, умного делания, сторонился наигранного

---

[1] *Купреянова Александра.* Из семейных воспоминаний / Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. 1. С. 616.

самоуничижения. Его келлии в Сергиевой пустыни имели богатую обстановку, и потому о нем сочиняли слухи как о будто бы ведущем роскошную жизнь. Когда на это обратил внимание приехавший к нему друг его, архимандрит Софония, святитель Игнатий молча провел его в самую отдаленную комнату настоятельского дома, где взору гостя открылись совершенно голые стены, одна небогатая икона с неугасимой лампадой и убогая рогожа на полу. Именно в уединении, к которому прибегал святитель, особенно во время сильных скорбей, рождались его поучительные творения. Когда святитель Игнатий уезжал из Сергиева монастыря на Ставропольскую кафедру, то у него не оказалось собственных средств на дальнюю дорогу. Когда же святитель умер, в кармане его подрясника нашли всего 14 копеек, так как за два дня до смерти он отдал 75 рублей крестьянину, потерявшему лошадь.

До конца своей жизни он остался верен внутреннему стремлению к уединению, чему во многом способствовали его продолжительные болезни, которые подчас превращали его в затворника. Порой месяцами не покидал он келлии. Государь не удовлетворял его прошения об уходе на покой. Святитель безмолвно терпел скорби, углубляясь в богомыслие и умную молитву.

Прошли годы, и Господь призвал святителя на новое служение — в епископском сане. Благодаря инициативе наместника Кавказского, известного военного Николая Николаевича Муравьева-Карского, и ходатайству митрополита Новгородского и Петербургского Григория (Постникова), архимандрит Игнатий был посвящен 27 октября 1857 года во епископа Кавказского и Черноморского. На этой кафедре, отнявшей у святого Игнатия много сил по наведению порядка, особенно проявились административные

способности святителя. Важно заметить, что с момента поступления на кафедру владыки Игнатия Синод значительно сократил финансовое обеспечение Ставропольского епископа. Святитель получал жалование гораздо меньшее, нежели ректор и инспектор Ставропольской семинарии. При въезде в Ставрополь, как пишет сам святитель, он нашел, что «монашествующая братия (архиерейского) дома ежедневно ходила по городу, ища себе обеда и ужина, ибо в (архиерейском) доме, по его бедности, не было требуемой правилами иноческой трапезы»[1]. Часто святитель Игнатий отдавал епархиальным труженикам все, что имел сам. Вышло так, что наиболее бедственное в материальном отношении время Кавказской епархии пало на епископство святителя Игнатия, его труды увенчались успехом

[1] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 407.

уже после его отбытия из Ставрополя, когда епархия стала одной из самых обеспеченных.

В своем епископстве святитель продолжал являть подлинное благородство во взаимоотношениях с паствой. В частности, это видно в следующей поучительной резолюции в журнале Ставропольской семинарии относительно наказаний провинившихся воспитанников: «Наказание заушениями, дранием за волосы и за уши да будет извергнуто из духовных училищ. В ту минуту, когда воспитатель собственноручно наказывает воспитанника, в эту жалкую минуту человечество терпит нравственное унижение и в лице воспитанника, и в лице воспитателя. Но в лице воспитателя такое унижение несравненно глубже, нежели в лице воспитанника. Воспитатель такими действиями лишает себя уважения воспитанников, их любви и доверенности. Высокий, благородный характер воспитателя есть главнейшая

узда и гроза для воспитанников... Благочестивый и благонамеренный воспитатель должен положить себе за правило не прибегать в час своего гнева ни к выговору, ни к наказанию. Час гнева есть час безумия для всякого разгневавшегося, хотя бы разгневавшийся принадлежал к первейшим мудрецам. Наказание да будет плодом зрелого, беспристрастного суждения, только при этом условии оно благотворно для детей и возвышает в мнении их воспитателя»[1]. Для святого Игнатия всегда оставались ценностью такие понятия как честь и достоинство личности, попрание которых, по его мнению, не соответствует званию христианина.

Независимость святителя Игнатия от правил мира сего особенно проявилась во время возникшей в российском обществе дискуссии о готовящемся

[1] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 289–290.

освобождении крестьян от крепостной зависимости. Основываясь на святоотеческом понимании подлинной свободы, святитель высказал свой взгляд твердо, невзирая на мнения, распространяемые в печати. Сущность дискуссии хорошо изложил исследователь А.М. Любомудров: «В ходе подготовки крестьянской реформы 1861 года епископ Игнатий как управляющий Кавказской епархией счел необходимым вступить в полемику с либеральными, псевдохристианскими воззрениями на крестьянский вопрос, а затем и с представителем воинствующе-атеистического крыла А.И. Герценом. Эти документы отражают по сути столкновение двух принципиально противоположных воззрений на мир... Одно из них, либерально-просветительское, признает существующий мир... требующим переделки... Его отличают также вера в социальный и нравственный прогресс, обожествление “прав и достоинства человека”...

Иное мировоззрение, церковно-христианское, в котором понятия греха и искупления являются центральными, видит главную цель человека «в обожении», то есть во внутреннем очищении... Все попытки обустроить земную жизнь политическими, социальными, экономическими средствами, но вне Церкви, не во имя Христа рассматриваются как проявление человеческой самонадеянности и гордыни»[1].

Святитель Игнатий, желая препятствовать ложным мнениям, напечатал обращение к кавказскому духовенству (от 17 января 1859 года), а затем более подробное обращение (от 6 мая 1859 года), в котором, одобряя желание государя облегчить положение крестьян, показывал глубинное различие свободы внешней, социально-правовой, и свободы внутренней, духовной.

---

[1] Цит. по: Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 365–366.

Целью ставилось и предостережение общества от возможных крестьянских волнений. Стоит сказать, что через некоторое время опасения святителя об отрицательных последствиях подтвердились, и ввиду крестьянских волнений вышел циркуляр (30 апреля 1861 года) обер-прокурора, содержащий некоторые мысли святителя. Многие мысли повторялись также в известном Манифесте 19 февраля 1861 года, составленном святителем Филаретом Московским. Однако в то время некоторые горячо возражали святителю.

Несколько лет епархиальной жизни прошли для святителя в неимоверных трудах. Тяжелая болезнь, оспа, ослабившая последние силы святителя Игнатия, а также благоволение к нему императора Александра II позволили получить 5 августа 1861 года желанное увольнение на покой. Жить было позволено, согласно просьбе, в Николо-Бабаевском монастыре на Волге

в Костромской епархии (причем собственных денег на отъезд у святителя не оказалось). В Москве владыка Игнатий посетил святителя Филарета и с грустью говорил о несоответствующем цели воспитании юношества, готовящегося к церковному служению, о гибельном вторжении в среду воспитателей идей, враждебных духу христианства. Святитель чувствовал постепенно приближающуюся к России катастрофу, наступившую ровно через пятьдесят лет после его кончины.

Последние годы своей жизни святитель провел в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. Эта обитель основана в конце XIV века и располагается в живописном месте на правом берегу Волги при впадении в нее реки Солоницы. Именно здесь святитель нашел долгожданное безмолвие, при котором мог беспрепятственно готовиться к встрече с вечностью. «Бабаевский монастырь гораздо уединеннее

и Коневца, и Валаама, — писал Владыка. — Безмолвие начинает действовать на меня благотворно, отвлекая очи ума от зрения на деющееся в мире и направляя их к созерцанию своей греховности и предстоящего суда Божия»[1]. «Не могу нарадоваться настоящему моему положению. После долгих страданий среди бурного житейского моря Бог привел в тихое пристанище»[2]. «Бабаевский монастырь — как отдельный мир. Такое достоинство его доставляется ему его необыкновенным уединением»[3].

В этом монастыре святитель завершал и пересматривал свои творения, руководил духовных чад, а главное — мог долго и беспрепятственно молиться. Его келейник Василий (Павлов),

---

[1] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Собрание писем. С. 112.

[2] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Собрание писем. С. 802.

[3] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Собрание писем. С. 709.

впоследствии иеромонах, вспоминал, как святитель Игнатий стоял на молитве у аналоя часто с воздетыми к небу руками, со слезами, как сидел в богомыслии, устремив взор на икону Спасителя или склонив голову на руки свои, как ходил по комнате в раздумье, как читал или писал что-то. Этот келейник сохранил такое поучительное воспоминание: «Я занимался на Бабайках с мальчиками, учил их чтению Священного Писания, арифметике, грамматике, чистописанию и однажды, разгорячившись, ударил одного. Затем, разумеется, почувствовал, что это грешно, я пошел и сказал Владыке. Он на это мне сказал: "Ударь меня". Я ответил, что я этого сделать не могу; тогда он мне сказал: "А если ты меня не можешь ударить, как же ты ударил мальчика, который также создан по образу Божию?"»[1].

---

[1] Цит. по: *Афанасьев Виктор*. Златокрылый феникс: монашеский подвиг святителя Игнатия (Брянчанинова). С. 187.

В день Светлого Христова Воскресения 16 апреля 1867 года святитель Игнатий совершил литургию, но так утомился, что келейники с трудом довели его до кельи. В этот день он объявил, что настала пора готовиться к смерти. В последующие затем дни святитель чувствовал себя все слабее, но при этом лицо его выражало все большее умиление, иногда прямо светилось радостью, что поражало всех окружающих. В последний перед его кончиной вечер келейник Василий, прощаясь с ним на ночь, сделал земной поклон со словами: «Простите меня, Владыко, елика согреших!» И вдруг святитель встал на колени и поклонился ему со словами: «Прости и меня, Васенька...»[1] На следующее утро, это было 30 апреля 1867 года, неделя Жен Мироносиц, келейник застал святителя

[1] *Афанасьев Виктор*. Златокрылый феникс: монашеский подвиг святителя Игнатия (Брянчанинова). С. 205.

лежащим на ложе на левом боку, правая рука его лежала близ раскрытого канонника. Смерть, придя к святителю, застала его ум занятым молитвословием. Начав молитву на земле, угодник Божий продолжил ее на Небе.

Остается только упомянуть, что к лику святых святитель Игнатий был причислен Поместным Собором Русской Православной Церкви в 1988 году. Мощи святителя почивают в Свято-Введенском Толгском монастыре Ярославской епархии.

Мы рассмотрели далеко не все из жизни святителя, особенно же трудно передать глубину его духовного подвига. Желающим более подробно ознакомиться рекомендуем прочитать «Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского», опубликованное Издательством имени святителя Игнатия в 2002 году, а также монографию Леонида Соколова «Святитель Игнатий: его жизнь, личность

и морально-аскетические воззрения», опубликованную Сретенским монастырем в 2003 году. Собственно же для понимания духовного подвига, который нес святитель, важно читать его сочинения.

Жизнь святителя стала подтверждением того духовного закона, что никакие искушения, обстоятельства времени или особенности личного положения в обществе не могут препятствовать единению духа человеческого с Духом Божиим. Если, конечно, человек стремится до конца быть верным Христу. Да поможет Господь всем нам по молитвам святителя Игнатия стяжать то духовное сокровище, которое обрел он, и иметь ту же силу веры, чтобы достичь, как и сам святитель, обителей Небесного Царства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. — М., 1988.
2. Жизнеописание епископа Игнатия (Брянчанинова), составленное его ближайшими учениками. — СПб., 1881.
3. Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. — М., 2002.
4. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты / Творения: В 5 т. Т. 1. — М., 1996.
5. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты / Творения. Т. 2. — М., 1996.
6. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Слово о смерти / Творения. Т. 3. — М., 1997.
7. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетическая проповедь / Творения. Т. 4. — М., 1997.
8. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Приношение современному монашеству / Творения. Т. 5. — М., 1998.
9. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Жизнь схимонаха Феодора // Богословские труды. — М., 1996. № 32.

10. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Христианский пастырь и христианин-художник // Богословские труды. — М., 1996. № 32.
11. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Слово о человеке. — СПб., 1995.
12. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Странник. — М.: СПб., 1998.
13. Собрание писем свт. Игнатия, еп. Кавказского / Сост. Марк (Лозинский), игум. — М.; СПб., 1995.
14. Отечник, составленный святителем Игнатием Брянчаниновым. — М., 1996.
15. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. — М., 1999.
16. Древний патерик, изложенный по главам. — М., 1997.
17. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четиих Миней свт. Димитрия Ростовского. — М., 1903. Сентябрь. Декабрь.
18. *Макарий Египетский, прп.* Духовные беседы. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.

19. Православный молитвослов и Псалтирь. — М., 1988.
20. Скитский патерик о стяжании евангельских добродетелей. Сказания об изречениях и делах святых и блаженных отцов Христовой Церкви. — М., 2001.
21. Типикон. — М., 1906.
22. *Афанасьев Виктор.* Златокрылый феникс: монашеский подвиг святителя Игнатия (Брянчанинова). — Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2000.
23. Беседы о молитве Иисусовой. — М., 1998.
24. *Варнава (Беляев), еп.* Основы искусства святости. — Нижний Новгород, 1995–1998.
25. *Викентий (Морарь), иером.* Учение епископа Игнатия (Брянчанинова) о молитве. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1982, машинопись.
26. *Геласий (Михайлов), архим.* Пастырологический элемент в творениях русских богословов XIX — XX веков. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1964, машинопись.

27. *Зарин С.М.* Аскетизм по православно-христианскому учению. — М., 1996.
28. *Иерофей (Влахос), митр.* Православная духовность. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996.
29. Из воспоминаний архим. Игнатия (Малышева), первого келейника еп. Игнатия Брянчанинова // Отец современного иночества: Воспоминания современников о свт. Игнатии Ставропольском. — М., 1996.
30. *Иоанникий (Кобзев), иерод.* Преосвященный Игнатий Брянчанинов и его нравственное мировоззрение. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1966.
31. Искатель непрестанной молитвы. — М., 1991.
32. *Концевич И.М.* Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. — М., 1993.
33. *Купреянова А.* Из семейных воспоминаний // Материалы к жизнеописанию еп. Игнатия (Брянчанинова). Б. м. и г., машинопись.
34. *Купреянова Александра.* Из семейных воспоминаний / Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. 1. — М.: Паломник, 2001.

35. *Марк (Лозинский), игум.* Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам еп. Игнатия Брянчанинова. — М., 1997.
36. *Михаил (Путинцев), прот.* Черта из жизни еп. Игнатия Брянчанинова // Душеполезное чтение. — М., 1878. Ч. 1.
37. *Михаил (Чуб), архиеп.* Епископ Игнатий Брянчанинов // Журнал Московской Патриархии, 1967, № 6.
38. *Скурат К.Е.* Христианское учение о молитве и ее значении в деле нравственного совершенствования. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1955, машинопись.
39. *Смолич И.К.* Русское монашество: 988–1917. — М., 1999.
40. *Харитон, игум.* Умное делание (О молитве Иисусовой). — М., 1998.
41. *Шафранова О.И.* Странствие ко вратам вечности. Переписка святителя Игнатия с Оптинскими старцами и П.П. Яковлевым, делопроизводителем святителя Игнатия. — М., 2001.

Валерий Николаевич Духанин

ЖИЗНЬ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ (БРЯНЧАНИНОВА)

Редактор
Л. А. Чуткова

Корректоры
Н. И. Арацкая, М. В. Волкова

Художественное оформление
Е. В. Аксенова

Верстка
Г. Н. Шафигуллина

Техническое сопровождение
Ю. В. Мосягин

Сибирская Благозвонница

Подписано в печать 02.12.2013. Формат 70×90/32
Бумага офсетная. Печ. л. 2,5. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 35101.

Адрес издательства:
109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6,
E-mail: syb-blag@yandex.ru, www.blagozvon.ru.

Отдел оптовых продаж:
109202, г. Москва, шоссе Фрезер, д. 17а,
телефон/факс: 8(495) 363-45-10.

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленных издательством электронных носителей
в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru

Для современного человека, жаждущего серьезной духовной жизни, творения святителя Игнатия (Брянчанинова) – незаменимое руководство. В них сосредоточен опыт святоотеческой аскетической мысли, ясно раскрывается сущность правильного духовного пути, а также разъясняются те тонкости духовного делания, которые могут быть неверно истолкованы при чтении древних аскетических трактатов. Примером взыскания общения с Богом является и сама жизнь святителя Игнатия. О том, каким был путь этого великого подвижника XIX века, рассказано в нашей книге.

Сибирская Благозвонница